

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1949 ЛЕНИНГРАД

Н. П. ШАСТИНА

АЛТЫН-ХАНЫ ЗАПАДНОЙ МОНГОЛИИ В XVII в.

Конец XVI в. и первая половина XVII в. в истории монголов являются своеобразным периодом, рубежом, определившим положение страны почти на три столетия. В этот период окончательно установилась вассальная зависимость монголов по отношению к манчжурам.

События истории монголов XVII в. еще недостаточно изучены и освещены. Мы можем пока лишь констатировать некоторые явления монгольской истории. К началу XVII в. процесс раздробления Монголии на отдельные княжества достиг наибольшей степени. Этот процесс сопровождался бесконечными войнами, Наряду с ним наблюдалось и другое явление — это стремление объединить монгольские племена под властью хана путем войны и насилия, путем создания кочевой монархии. Таких попыток в XVII в. было несколько. Некоторые из них облекались в форму религиозной борьбы. Особенно ярким примером такого рода попытки было стремление чахарского Лэгден-хана создать единую монгольскую монархию путем объединения князей Южной Монголии и отчасти Халхи под своею властью. Попытка эта окончилась крахом и даже ускорила процесс подчинения монголов манчжурам. Начиная с 40-х годов XVII в., неуклонно растут стремления завоевательной политики ойратов, вылившиеся во второй половине века в организацию Галданом-Бошокуту ойратского царства. В конце концов Галдан потерпел крушение в своих замыслах объединить монгольские племена под властью единого хана. В XVII в. происходили и более мелкие попытки объединения, охватывавшие небольшие территории и немногие племена. В результате этих тенденций в Халхе к середине XVII в. выделились три крупнейших ханства: Дзасакту-хан, Сецен-хан и Тушету-хан. Но еще до этого в Западной Монголии с конца XVI в. существовало небольшое кочевое государство, известное под именем царства Алтын-хана, имевшее большое значение в западном районе Халхи. История создания и распада этого небольшого государства характерна для монгольской истории XVII в. В нем, как в фокусе, отразился весь сложный комплекс внутренних и внешних причин, повлекших за собой подчинение Халхи манчжурам и разрушивших ее стремления к самостоятельности.

Государство Алтын-ханов в истории монголов еще недостаточно изучено. О нем говорят лишь мельком А. М. Позднеев¹ и Г. Е. Грумм-Гржимайло.²

¹ А. М. Позднеев. Монгольская летопись „Эрденийн Эрихе“. СПб., 1883, стр. 167—170.

² Г. Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, Исторический очерк. Л., 1926, стр. 604—605, 652—653.

Больше внимания этому вопросу уделяют Х. Ховорс,¹ М. Куран и Дж. Бэддли.² Но зато о нем неоднократно упоминают историки Сибири. Дело в том, что Алтын-хань были первыми монгольскими князьями, с которыми встретились русские в Сибири, с которыми Москва вела оживленный обмен посольствами в течение почти всего XVII в. Историками Сибири неоднократно высказывалось мнение, что государство Алтын-ханов было сильной кочевой организацией, с которой русским пришлось столкнуться при завоевании верховьев Иртыша и Оби³ и которая задержала освоение юго-западной части Сибири на целое столетие.⁴ Еще Г. Ф. Миллер писал в „Истории Сибири“, что с начала XVII в. в русских документах появляется „гордое имя монгольского царя Алтын-хана“.⁵ Почти все историки Сибири, начиная с Миллера и Фишера, в той или иной степени уделяют внимание Алтын-хану. Это и понятно, так как именно сибирские архивы и Сибирский приказ сохранили материалы по сношениям Москвы с Алтын-ханами. Монгольские же летописи и документы уделяют не много внимания Алтын-ханам. Поэтому для изучения государства Алтын-ханов надлежит прежде всего обратиться к русским архивным материалам.

Уже первое знакомство с материалами Сибирского приказа, хранящимися в Центральном Государственном Архиве древних актов в Москве, дало нам богатейший материал об Алтын-ханах, который позволяет дополнить и осветить ранее известные сведения по данному вопросу.

Царство Алтын-ханов находилось в сев.-зап. части Монголии. Основателем этого царства следует считать Шолой Убаши Хун-тайджи.⁶ О нем в Илетхел Шастир⁷ приведены лишь следующие скупые сведения: *ᠰᠣᠯᠤᠢ ᠤᠪᠠᠰᠢ ᠬᠣᠨᠲᠠᠶᠳᠢ ᠶ᠋ᠢᠨ ᠶ᠋ᠠᠨᠵᠢᠨ ᠶ᠋ᠢᠨ ᠶ᠋ᠢᠨ ᠶ᠋ᠢᠨ* „Второй сын Тумен-Дара Дайчин, его сын называется Шолой Убаши со званием Хун-тайджи“. Тумен-Дара, как известно, был вторым сыном Ашихая, старшего сына Геренсендзе, получившего в удел всю северную Монголию (Халху) и разделившего ее между своими сынами. Будучи сыном второго сына Ашихая, Шолой, согласно правилам монгольского наследования, должен был занимать второстепенное место среди монгольских феодалов, уступая первое место сынам Буян-Дары (старший сын Ашихая). Но в начале XVII в. Шолой выдвинулся на первое место и имел больше значения и веса, чем его старшие сородичи. Он знаменит своим походом на ойратов, о котором сложена героическая песня, известная в русской монголоведной литературе.⁸

¹ Н. Howorth. History of Mongols, v. I. London, 1876, стр. 456—473.

² М. Courant. L'Asie centrale aux XVII—XVIII siècles. Lyon-Paris, 1912, стр. 27—33. — J. F. Baddeley. Russia, Mongolia and China, v. II. London, 1919 (см. оглавление).

³ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. II, М. — Л., 1941, стр. 53. — И. Е. Фишер. Сибирская история. СПб., 1774 (см. кн. 2, отд. 2; кн. 4, отд. 6). — С. В. Бахрушин. Очерки истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв., М., 1928, стр. 159.

⁴ С. В. Бахрушин. Завоевание Сибири. Стенограмма лекции. М., 1938, стр. 14.

⁵ Г. Ф. Миллер. ук. соч., т. I, стр. 317.

⁶ Н. Howorth, ук. соч., стр. 457. — М. Courant, ук. соч., стр. 27. — J. Baddeley, ук. соч., стр. 46.

⁷ Тетрадь 61, стр. 3.

⁸ См. переводы и публикации текста: К. Голстунский. Убаши Хун-тайджий туджи. Литограф. изд. СПб., 1864 (текст на калм. яз.). — Г. Гомбоев. История Убаши Хун-тайчжия и его войны с ойратами. Тр. Вост. отд. РАО, 1853, т. VI, стр. 213—224 (текст на калм. яз. и перевод). — А. Попов. Грамматика калмыцкого языка. Казань. 1817, стр. 366—374 (отрывок текста, перевод, примечания). — С. А. Козин. Ойратская историческая песнь о разгроме халхаского Шолой Убаши Хунтайджи в 1587. Сов. востоков. т. IV, 1947, стр. 91—104 (перевод).

Шолой был полководец и основатель династии Алтын-ханов, организатор кочевого государства, с которым столкнулись русские в верхнем течении Енисея в начале XVII в. Киргизы и ойраты называли его Алтын-хан (т. е. Золотой хан) и этим именем его называют также в русских архивных документах. Возникновение этого прозвища основано на успехе и значении Шолоя в Западной Монголии и на монгольском обычае не называть собственным именем знатных лиц — своеобразный запрет повторять их имена, восходящий к шаманским верованиям. Обычай этот зафиксирован, кстати сказать, и в русских архивных документах. Так Томилко Петров, ездивший весной 1616 г. к ойратам и наводивший, между прочим, справки об Алтын-хане, пишет: „а про Алтыново прямое имя люди его не сказывают, а называют его все только Алтыном, а голды де ему подлинное имя будет ведомо как его не станет“.¹

Подробные сведения о Шолое дошли до нас в статейных списках первого посла к нему из Москвы Василия Тюменца, побывавшего осенью 1616 г. в его ставке у оз. Упса. Неприсязательный, но живой, наполненный мелкими подробностями и описаниями рассказ сметливого казачьего атамана рисует перед нами яркую картину жизни и быта крупного монгольского феодала. Внешность Шолоя („... лет с 60, бороду бреет только ус; волосом черн, ростом дороден и плечист, и собою во всем пригож...“),² его одежда, пышный прием, оказанный послам, любопытное описание буддийского богослужения, все это рассказано Тюменцом просто и выразительно. Из его же описания мы можем судить и о владениях Шолоя, в состав которых входил весь район оз. Упса, на берегу которого находилась его ставка во время приезда Тюменца, и район р. Тесс, где застал его через два года Иван Петлин. На севере граница его владений простиралась до Саян, через которые часто проникали его отряды и собирали дань с жителей Минусинских степей. На юге кочевки его доходили, возможно, до предгорий Монгольского Алтая. Районы оз. Сангин-Далай и р. Дэлгэр-Мурэн составляли восточную границу его владений, на западе он соприкасался с ойратами, которые впоследствии под его напором передвинулись на север к Ямышеву озеру.

Шолой Убаши Хун-тайджи умер, повидимому, в конце 20-х годов XVII в. Пока не удалось отыскать даты его смерти в монгольских материалах, а русские сведения об Алтын-ханах имеют перерыв на целое десятилетие, и когда посланный в Монголию в 1631 г. Казый Карякин,³ прибыл к Алтын-хану, то имел дело уже с его сыном и наследником Омбо-Эрдени. Русский посол поехал к Алтын-хану по его же настоятельной просьбе, вызванной опасениями о возможном походе на Халху Лэгден-хана чхарского. Омбо-Эрдени, в поисках возможного союзника, прислал в Томск своего гонца с дипломатическим поручением, которое томские воеводы растолковали следующим образом: „чтоб ево Алтына великий государь пожаловал велел ево со всею ево ордою принять под свою государезу царскую высокую руку велел бы ево от Чачиркана оборонить“.⁴ Такое толкование просьбы Алтын-хана Омбо-Эрдени повлекло за собою крупные последствия, так как Московское правительство пошло навстречу

¹ См. публикацию расспроса Томилки Петрова: J. F. Baddeley, ук. соч., v. I, стр. ССХVІІІ (Appendix of Russian texts).

² См. публикацию донесения В. Тюменца: Ф. И. Покровский. Путешествие сибирского казака Ивана Петлина в Китай в 1618 г. Изв. ОРЯС, т. XXVІІІ, стр. 277.

³ Стат. список Казыя Карякина, до сих пор неизвестный, хранится в ЦГАДА, фонд 214, столб. 74, л. 402—390 (листы подшиты в обратном порядке).

⁴ Там же, л. 398.

Алтын-хану и отправило к нему пышно составленную грамоту¹ и богатые подарки² с особым посольством, во главе которого стоял один из сибирских администраторов Яков Тухачевский, впоследствии Мангазейский воевода.

Вслед за этим посольством было отправлено еще два — в 1636 г. и в 1638 г. Обширная переписка и материалы статейных списков этих посольств дают много новых и интересных сведений о жизни монгольских феодалов в XVII в.

Поведение Омбо-Эрдени при приеме этих посольств ясно показывает, что он и не думал стать подданным Московского государя или, согласно терминологии XVII в., „принести шерть“.³ Он рассматривал эту шерть скорее как договор о дружбе, и требование Якова Тухачевского подтвердить клятвою принесение шерти вызвало в нем искреннее негодование. Ко времени приезда Якова Тухачевского к Омбо-Эрдени летом 1634 г. опасность войны с чахарским Лэгден-ханом отпала, так как последний умер во время бегства в Куку-ноз под напором манчжурских войск.⁴ Союз с Москвой перестает быть важным для Омбо-Эрдени и он с раздражением говорит государеву послу, что, посылая в Томск гонца (перед приходом Карякина), он, Алтын-хан, просил „от Чагарского де Дючины хана оборонить и особо государьском де я жаловании велел же бить челом, а о шертована де я не приказывал“.⁵

Томские же воеводы заставили гонца принести шерть, велел ему при этом есть хлеб с ножа, „да стояли над шеею с саблею“.⁶ Тухачевский также настаивал, чтобы Омбо-Эрдени после прочтения составленного в Москве акта присяги — шертной грамоты,пил воду с золота. Омбо-Эрдени ни за что не хотел этого сделать, прервал аудиенцию и после бесплодных переговоров с послом уехал на три недели в другое кочевье.⁷ Но получить богатые дары московского царя ему хотелось и в конце концов он пошел на компромисс, велел принести за себя присягу двум своим приближенным „табунам“ (Шибэнь „княжеский зять“). Табуны также долго отказывались „пить с золота“, боясь „порчи“, и сделали это лишь тогда, когда сам посол „золото прикусил“. После этого шерть была зачитана, вода „с золота“ выпита. Омбо-Эрдени в юрте не было. Казалось бы, Яков Тухачевский сделал большое дело, привел к присяге московскому государю крупного монгольского феодала, но последний вовсе не так понимал значение этого факта, что и отразилось весьма ярко на приеме двух последующих посольств — посольства Степана Греченина и Бажена Карташева в 1636 г. и посольства Василия Старкова и Степана Неверова в 1638 г. Оба эти посольства были посланы с целью укрепить значение принесенной Алтын-ханом присяги, которую он явно ни во что не ставил.

В промежутке между этими посольствами произошло еще одно происшествие, которое не могло не вызвать подозрения монголов по отношению к русским. Это было покушение на монгольского посла в Томске, зятя

¹ Там же, лл. 331—335.

² Роспись подарков (там же, лл. 344—346).

³ Шерть — присяга на верность.

⁴ В. Горский. Начало и первые дела Манчжурского дома. Тр. членов рос. дух. миссии в Пекине, т. I, СПб., 1852, стр. 147.

⁵ ЦГАДА, фонд 214, столбец 74, л. 225.

⁶ Там же, л. 225.

⁷ Стат. список Тухачевского, см. там же, л. 227—229.

„Седьмой год;¹ Омбо-Эрдени охотясь с целью обмана, с умыслом перешел границу Хухе-хотана, для того чтобы похитить табуны и скот“. Такие же сведения приведены и в Илетхел Шастир Тушету-хановского аймака.²

Этот поступок Омбо-Эрдени не остался без последствий; ему пришлось объясняться со специальным посланцем императора Шунь-чжи. Уже из самого факта отправления посланца, с целью розыска виновного в набеге, явствует, что Шунь-чжи считал себя вправе требовать отчета от своего вассала. Алтын-хан, еще так недавно „шертовавший“ Московскому государю, был связан с конца 40-х годов более крепкими узами с Дайцинами.

Вскоре же после набега на Хуху-хото Омбо-Эрдени передает княжескую власть своему сыну Лубсану Эринчину Хун-тайджи. Обстоятельства передачи княжеской власти выясняются из русских архивных документов. Они довольно любопытны и заслуживают того, чтобы остановиться на них подробнее.

Алтын-хан Омбо-Эрдени появился в русских пределах в 1652 г. вместе со своим сыном Лубсаном.³ Это появление было организованным военным походом против киргиз, являвшихся данниками русских и монголов одновременно. В 50-х годах XVII в. киргизы достигли наивысшего расцвета своей общественной организации. Во главе киргизских князей стоял энергичный и умный князь Ишей, первый пытавшийся объединить разрозненных киргизов и оградить их от непрошенных собирателей дани.⁴ Против этих попыток и был направлен поход Омбо-Эрдени. Сначала к киргизам явился с небольшим отрядом Мерген-тайджи (Мергентайша русских документов), приходившийся племянником Алтын-хану, и стал просить защиты у киргиз от своего дяди.⁵ Осторожный Ишей не поверил этой просьбе, заподозрил военную хитрость и Мерген-тайджи должен был остановиться и стать лагерем в горах около устья р. Ербы. Как и предвидел Ишей, приход Мерген-тайджи вызвал появление монгольского войска во главе с Омбо-Эрдени и его сыном Лубсаном. Красноярский воевода, ведомству которого подлежали земли, куда вторгся Алтын-хан, отправил в Москву донесение, в котором писал: „пришел Мугалские земли Алтын-царь с сыном своим Лоджаном и с ними пришло воинских людей четыре тысячи человек“.⁶ Алтын-хан осадил Мерген-тайджи в его лагере, но пострадали при этом киргизы, которых он „погромил“: „киргизских и тубинских всех лутчих князцов поимал Алтын-хан к себе силою 70 человек и его Алтыновы люди у киргиз и у тубинцев и у всех иноземцев кони и скот отгоняют и животы их на лабазах грабят и из земли выкапывают... киргизцы в страхе бежали в дальние места, в камень и в черные леса“.⁷ Киргизы бросились за помощью в Красноярск, откуда для разведки выехал к Алтын-хану Степан Коловский, из осторожности сам не поехавший к монголам, а выславший вперед переводчика. В результате переговоров Алтын-хан

¹ Правления имп. Шунь-чжи, т. е. 1650 г.

² Илетхел Шастир, тетрадь 45.

³ В русских документах он называется Лоджан, Лодзан, Лодзян, Лоузан, что довольно точно воспроизводит особенности произношения имени Лубсана в зап.-монг. диалектах.

⁴ В. В. Бартольд. Киргизы. Фрунзе, 1927, стр. 41.

⁵ Дополн. к актам историч., т. III, № 108, стр. 379.

⁶ Там же, стр. 380.

⁷ Там же, стр. 335.

ушел из русских пределов, но постарался объяснить свой приход. Он уверял, что только хотел представить киргизам своего сына и наследника Лубсана, которому собирается передать правление. Лубсан, действительно, стал во главе правления, и с этого времени имя его не сходит со страниц русских документов и монгольских хроник в течение целой четверти века. Неясные указания Илетхел Шастир, использованные Позднеевым, подтверждаются в данном случае русскими материалами.¹

Лубсан-тайджи следует считать третьим по счету Алтын-ханом. Так называет он сам себя в своем письме к царю Алексею Михайловичу в 1662 г.², так именуют его в Москве послы, им посылаемые неоднократно в 60-х годах.

В Халхе он несомненно пользовался уважением, так как он оказывается в числе первых дзасаков, назначенных манчжурами в 1655 г.³ В списке дзасаков его имя стоит шестым, он назван Лубсан-нояном. Получение звания дзасака показывает, что Манчжурское правительство считало его крупным феодалом. Звание дзасака еще более укрепляло его положение.

Это был человек предприимчивый и энергичный, характера неукротимого и своевольного, вовлекавшего его в ситуации сложные и путанные, из которых ему не всегда удавалось выйти победителем. Он является законченным образцом вольного степного феодала, у которого чувство гордости и своеволия часто берет верх над расчетами разума, а ненасытное властолюбие толкает его на поступки, неизбежно ведущие к падению. Таким рисуется он по многочисленным архивным документам Сибирского приказа, связанным с посольствами, отправленными к нему в 1657, 1658, 1662, 1664, 1665 и 1678 гг.⁴

Еще в сентябре 1656 г. Лубсан-тайджи появился в Киргизской земле „с воинскими людьми с семью тысячами человек безвесно и стал со всеми людьми серед киргизские и тубинские земли на речке Ерге от Красноярского острогу в пяти днищах“.⁵ Лубсан-тайджи действовал весьма агрессивно. По словам того же документа он „стоит на том месте с осени со всеми людьми июля по 3 число нынешнего 7165 году (т. е. 1657 г.). И будучи у киргиз и у тубинцев и у керетцев поймал в аманаты⁶ детей и братьев и племянников и затем аманаты их пограбил, лошади и рогатый скот и животы и кюяки и шишаки и всякую сбрую пограбил у всех без остатку“. Мало того, Лубсан-тайджи в погоне за бежавшими в Красноярский острог тубинскими „князцами“ отправил воеводе М. Ф. Скрябину „мугалское письмо с грозами“, требуя возвращения бежавших. Таковы были обстоятельства, вызвавшие отправление к Алтын-хану первого посольства после 19-летнего перерыва.

Отношения между Москвой и Алтын-ханами возобновились и были весьма оживленными. За 8 лет было отправлено 5 посольств, считая первую поездку из Красноярска конной сотни пятидесятника Родиона Кольцова, которую воевода в своих отписках называет „доездом“. Посещение Кольцовым Алтын-хана Лубсан-тайджи и поведение последнего вызвало отправление из Москвы другого посольства с дарами в 1658 г.

¹ А. М. Позднеев, ук. соч., стр. 162.

² ЦГАДА, фонд 214, столб. 146³, л. 80.

³ А. М. Позднеев, ук. соч., стр. 58.

⁴ Посольства 1652, 1664 и 1678 гг. в монголоведной литературе известны не были. См.: ЦГАДА, фонд 214, столб. 146⁰, 709, 610.

⁵ Там же, столб. 513, л. 19.

⁶ Аманат — заложник.

Дело в том, что посылая к Алтын-хану Кольцова, воевода Скрыбин, по наказу Москвы, велел ему напомнить о присяге, принесенной Омбо-Эрдени еще в 1634 г. На это Лубсан-тайджи отвечал, что хоть отец его „и шертовал да он де стар, а лаба шертовал тот умер, Турал табун шертовал в Томском городе тот умер же, а я не шертовал... когда де царь царю бывает в подданстве, когда де царь царя возмет войною, тогда и бывает в подданстве“.¹ Словом Алтын-хан не хотел признавать прошлой присяги и, держась независимо, утверждал, что пришел в свои собственные земли — „какая де земля вашего государя, земля де извеку наша“.

Для выяснения положения и напоминания Алтын-хану о присяге и было отправлено из Томска, по особому указу Москвы, посольство Степана Греченина в 1658 г.

Еще до приезда Греченина из Томска, туда приехал посланец от Алтын-хана Мерген-Дега, привезший письмо на монгольском языке и на словах рассказавший, что Алтын-хан интересуется, будут ли ему посланы из Москвы такие же дары, какие посылались его отцу. Этот приезд Мерген-Дега ускорил отправление посольства Греченина.

Греченин нашел ставку Алтын-хана в его старинном родовом кочевьи, неподалеку оз. Упса,² и прожил там около трех недель, прежде чем был принят Алтын-ханом, уезжавшим на это время к брату. Когда Алтын-хан вернулся, то принял послов с честью, выслушал длинную наказную память, в которой излагались причины посольства, имелись обещания даров — „государева жалованья“, в случае признания старой шерты, и даже угрозы: „за твои Лобзяновы неправды велят на тебя послать и с Казани и из Астрахани и из Сибири многих своих государевых ратных людей с вогненным боем и з большим нарядом и велят тебе Лобзяну такое же разворенье чинить“.³ На все это Алтын-хан ответа не дал, а пообещал дать ответ, когда будет отпускать послов, сам же распорядился о перекочевке. Вместе с его ставкой кочевали и послы. Только в мае отпустил послов Алтын-хан обратно в Томск, причем, отпуская их, произнес весьма тонко составленную речь, в которой было дано и объяснение прихода к киргизам, и намерение поддерживать добрые отношения с Москвой, оставаясь в то же время независимым. Эта речь, добросовестно изложенная Гречениным в статейном списке,⁴ может служить образцом дипломатической речи монголов в XVII в. Заканчивается она объяснением, почему Алтын-хан не может считаться подданным Москвы: „какая де прибыль великому государю, что я учинюся в подданстве, а в нашей земле то бесчестье большее, взмолвят околные мои братья мугалские цари и князи и властели, что де Лобзян Саин Кон Тангы над собою видел что учирился великому государю в подданстве, войны и порабощенья над собою не видя“.⁵ Дары, которые пришлет Московский государь, по словам Алтын-хана, „истлеют толко одно имянишко мое останетца“. Быть подданным Алтын-хан не соглашался, а предлагал

¹ ЦГАДА, фонд 214, столб. 513, л. 40.

² Стат. список Греченина см. там же, столб. 614, л. 12—35. Краткое изложение списка см.: И. Е. Фишер, ук. соч.; перевод этого изложения, см.: J. F. Baddeley, ук. соч.; последний отмечает: „The Moscow Archives apparently have no record of this journey“ (ч. II стр. 170). Между тем в Сибирском приказе имеется этот список прекрасной сохранности.

³ ЦГАДА, фонд 214, столб. 614, л. 23.

⁴ Там же, л. 29—32.

⁵ Там же, л. 32.

писать его в грамотах „меньшим братом“ Московского царя.¹ Греченин пенял ему на такие „невежливые слова“, но Лубсан-тайджи больше на них не настаивал. Так дипломатично обойдя одно из требований Москвы, Лубсан несомненно принял к сведению другое требование — не вторгаться в сферу влияния русской администрации, „под государевы города и уезды войною не приходить и русских и ясашных людей не грабить“.²

Затем он отпустил посольство с честью и вместе с послами отправил в Москву своих послов во главе с Ачиту-бакши.

Лубсан-тайджи оставил в покое русские владения и перенес свое внимание на Халху, вмешавшись в дела наследования Дзасакту-хана. Он попросту сместил неугодного ему кандидата, который был убит им в бою, а возвел на ханский престол удобного для себя брата убитого. Дело это получило широкую огласку в Халхе и в монгольской истории известно как „смута Лубсана“.³ Самый факт вмешательства Лубсана говорит о том, что он пользовался властью и положением. С этого момента начинается падение значения Алтын-хана. Он вступил во враждебные отношения с монгольскими князьями, что повело к созданию союза князей против него.

Русский посол Петр Лавров (1662—63 гг.) застал его в этот критический момент. Особенно любопытно в этом отношении письмо Лубсан-тайджи, отправленное им в Москву вместе с послами, посланными им с возвращавшимся обратно Лавровым. Оно дошло до нас в подлиннике⁴ и является первым известным экземпляром монгольского частного письма XVII в. (второй образец такого письма также хранится в ЦГАДА, фонд 214, столбец 513, л. 80 и является тоже письмом Лубсана к царю Алексею Михайловичу в 1665 г.).

Первое письмо интересно не только как образец эпистолярного монгольского стиля, но и со стороны содержания, которое ярко отражает сложное политическое положение Алтын-хана. Обращение и первая фраза письма подчеркивают значение личности Алтын-хана: $\text{ᠠᠯᠲᠠᠨ ᠬᠠᠭᠠᠨ ᠤᠯᠤᠰᠠᠨ ᠤᠯᠤᠰᠠᠨ ᠤᠯᠤᠰᠠᠨ}$

„Великому государю белому хану.

Алтан хаган письмо поклонясь подносит“). Московского царя Лубсан-тайджи называет „белый хан“, а себя величает „Алтан хаган“. Сопоставление этих двух терминов „хан“ и „хаган“ не случайно. Лубсан хочет показать, что он выше, знатнее, так как „хаган“ более почетный титул чем „хан“. Далее он подчеркивает эту свою мысль в четвертой фразе письма: $\text{ᠠᠯᠲᠠᠨ ᠬᠠᠭᠠᠨ ᠤᠯᠤᠰᠠᠨ ᠤᠯᠤᠰᠠᠨ ᠤᠯᠤᠰᠠᠨ}$

„Ныне пусть будут у тебя и у нас любовь и расположение с единым правлением“, т. е. „И ты царь и я царь“, форма правления одинакова,

($\text{ᠠᠯᠲᠠᠨ ᠬᠠᠭᠠᠨ ᠤᠯᠤᠰᠠᠨ ᠤᠯᠤᠰᠠᠨ ᠤᠯᠤᠰᠠᠨ}$). Далее в письме Лубсан просит прислать ему в помощь 10 туменов⁵ цриков [ратных людей], обещая при этом покорить для Московского царя не только монголов, но и „народ по имени китайцы“

($\text{ᠠᠯᠲᠠᠨ ᠬᠠᠭᠠᠨ ᠤᠯᠤᠰᠠᠨ ᠤᠯᠤᠰᠠᠨ ᠤᠯᠤᠰᠠᠨ}$). Кроме присылки войск Лубсан просит

¹ Там же, л. 33.

² Там же, л. 22.

³ А. М. Позднеев, ук. соч., стр. 168. — Мэн-гу-ю-му-цзи, стр. 13, 102, 104, 112. Краткое описание этого события см. в Илетхел Шастир, тетрадь 61, стр. 20—21.

⁴ ЦГАДА, фонд 214, столб. 1469, л. 29.

⁵ 10 туменов, т. е. 100 000 человек.

построить город на истоках р. Кемь. Письмо составлено в надменных и заносчивых выражениях, сквозь которые чувствуется тревога Алтын-хана перед создавшимся положением. Вражда с князьями внушала ему опасения. Получить помощь от „белого хана“ было для него важно. Он просит прислать ратных людей на конях, так как в нападении на „этот халхаский народ конные цырики хороши будут“ (ᠬᠠᠯᠬᠠᠰ ᠠᠨᠠ ᠬᠠᠨᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠ ᠶ᠋ᠢᠨᠠ) — добавляет он.

С такой просьбой отправился в Москву его посол „Уран с товарищи“, который был торжественно принят в Москве и отправлен обратно с дарами и новым русским послом Зиновием Литосовым. Сохранились описание церемониала этого приема, подорожная память послов и другие документы, рисующие пребывание в Москве посольства Алтын-хана.¹

Посольство З. Литосова в 1664 г. и следующее за ним посольство Романа Старкова в 1665—66 г. были посланы для выяснения вопроса о возможности постройки нового острога по просьбе Алтын-хана и перспектив войны, для которой он настойчиво просил прислать ратных людей. Каждый раз послы привозили ему богатые подарки. В том числе: „шубу отлас золотной на соболех“² или „пищаль да пансырь“, „дюжину очков [!]“.³ Следует отметить, что по составу подарков можно определить отношение Московского правительства к Алтын-ханам. Если в первый период отношений роспись подарков приближалась к тому государю жалованью, которым дарила казна сибирских властителей за выплату ясака, то состав подарков в последний период отношений становится другим. Он носит более дружественный характер, так дарят скорее младшего родственника, чем подданного. И Алтын-хан одаривает на этот раз послов более сердечно, дарит им лошадей, соболей, овчинные шубы, а Московскому царю посылает „аргамак гнед, крушка серебряная, камень хрусталь, камка лазоревая и т. д.“⁴ Особенно надо отметить подношение лошади и овец „в корм“, что по монгольскому обычаю подчеркивает особую приятель и сердечность со стороны дарившего. Если же дарят рогатый скот или верблюдов, то это официальный подарок, сделанный по необходимости, без желанья и расположения. Когда Омбо-Эрдени с неудовольствием принимал у себя посольства 1636 г. и 1638 г., то это неудовольствие отражалось и на подарках. Так, Вас. Старков сообщает, что „скудно телятишек приводить учали маленьких“.⁵ Вряд ли русский посол понял тогда внутреннее значение этого подарка. Но в 60-х годах положение изменилось. Алтын-хан вел войну с „семью мугалскими царями“, с запада ему начали угрожать ойраты, и он по другому одаривает и принимает послов „белого хана“. Если раньше он надменно отказывался вставать и выслушивать стоя, без шапки, государеву грамоту, то теперь „Лобжан царевич (так называет Лубсана-гайджи Зин. Литосов) против великого государя грамоты встал и жалованную грамоту принял и поцеловал полова на голову“.⁶ Изменилось отношение, изменилось поведение Алтын-хана и подарки послам.

¹ ЦГАДА, фонд 214, столб. 1469, л. 12—73.

² Стат. список Романа Старкова, см. там же, столб. 645, л. 66.

³ Стат. список Зин. Литосова, см. там же, столб. 610, л. 24.

⁴ Там же, л. 27.

⁵ Архив АН СССР, фонд 21, опись 4, дело 17, л. 351.

⁶ Стат. список Литосова, л. 26.

Лубсан-тайджи тревожила создававшаяся против него в Халхе коалиция князей. Видя себя не в силах противостоять ей, он вступает с князьями в мирные переговоры. Роман Старков рассказывает о такой попытке: „Сентября в 11 день Лоджан царь пошел из улусу от себя за Енисей реку на мирове с Саин Хан Колко“ (т. е. Халха).¹

Но мир заключен не был, и Лубсан-тайджи настойчиво просит построить город на Упсе реке (т. е. значительно севернее, чем он предполагал в первый раз в 1662 г.), куда он мог бы „прибегать на время летним временем от неприятелей“.² Повидимому, он, под давлением с юга, отходил на север, так как осенью 1666 г. он спешно прикочевал на Упса реку и „стал со всеми своими людьми и с кочевья на ясачной земле от Красноярского острогу в четырех днищах“.³

Красноярский и Томский воеводы были встревожены этим появлением Лубсана, но он через посланцев просил помощи в виде вспомогательного войска и настаивал на постройке крепости. Он начал сам строительство такой крепости, остатки которой были известны еще в XVIII в. Местное население называло их „Лозоновы осады“. Под этим названием они описаны Радловым.⁴ На карте Радлова развалины ее помечены на речке Сизой при впадении ее в Енисей. Лубсан засел в своей крепости. Томский воевода, боясь воинственного соседа, начал „жить усторожливо“ и собирать ратных людей. Его подозрения усиливались, так как Лубсан, несмотря на видимую покорность, стал собирать с киргиз ясак в свою пользу. Киргизы же группировались вокруг него, так как к нему „пристал“ самый крупный киргизский князь Иренак Ишеев. Создалось трудное положение: Лубсан, прося помощи, явился в то же время угрозой ясачным людям и вызвал недоверие у воевод. Киргизы, пользуясь моментом, собирались под властью Иренака. Действия каждой из сторон вызывали взаимное недоверие. Окончилось это положение вмешательством извне. Ойратский князь Сенге, уже давно угрожавший Алтыну, выступил против него и взял его в плен. О его пребывании в плену любопытно рассказал посол к „черным калмыкам“ (ойратам) Павел Кульвинский. „... Июня в 12 день [1657 г.] Сенга тайша привез Мугалского царя Лоджана, детей ево трех сынов, один лет 20, а другой лет пятнадцати, а третий лет десять, а сестру Лоджанову за себя взял, а самому Лоджану царю Сенга велел руку правую по завить отсець и собачья мяса Лоджану велел в рот класть“.⁵ Кроме Лубсан-тайджи Сенге привез и много полону: „тысячи две лутчих ближних ево людей“. Словом разгром был полный.

Сколько времени пробыл Алтын-хан в плену неизвестно. Илетхел Шастир лишь кратко сообщает, что Алтын-хан бежал к олотам.⁶ Из русских документов мы видим, что это было не бегство, а плен. Только в 1678 г. он опять появляется в русских пределах и начинает переговоры с Красноярским воеводой, послав к нему Бочю Баатыря с письмом, в котором было написано, судя по отписке воеводы, следующее: „Милости просит у него великого государя чтоб ему Лоджану царю

¹ Стат. список Ром. Старкова, л. 69.

² Стат. список Ром. Старкова, л. 71.

³ Дополн. к актам историч., т. V, № 24.

⁴ В. В. Радлов. Сибирские древности. Приложения, стр. 80.

⁵ См. стат. список П. Кульвинского в кн.: J. F. Baddeley, ук. соч., т. I, стр. ССXXXIV.

⁶ А. М. Позднеев, ук. соч., стр. 169. — Илетхел Шастир, тетрадь 61, л. 9.

вместе с государевыми людьми воевать киргиз. А ныне де он Лоджан царь кочует от Красноярсково не в дальних местех“.¹

Кроме Бочю Баатыра от Алтын-хана прибыл посол Дзэригту Тархан (Ерокту Тархан русских документов), который должен был проехать прямо в Томск, а оттуда в Москву. Этот посол был сперва задержан в Красноярске, но затем отправлен в Москву, а тем временем из Томска к Алтын-хану выехал русский посланец Степан Тупальский для переговоров. Посол этот опять должен был привести Алтын-хана к шерти. Кочевал Алтын-хан значительно восточнее Красноярска, за Удинским острогом в районе р. Оки (нынешняя Иркутская область).

Статейный список Тупальского² очень интересен. Он дает подробное описание длительных препирательств с Алтын-ханом по поводу церемониала приема. Алтын-хан отказывался спрашивать первым про „многолетное здоровье великого государя“ и только после длительного спора и уговоров прием состоялся. На этом приеме Алтын-хан сказал о себе: „я был от киргиз и от калмыцких людей в разорении. А ныне де я от войны вышел и живу на своей мугалской земле“.³ Повидимому, вышел он из войны значительно обессиленным, так как при состоявшемся приведении к шерти с ним вместе шертовали „дети его и лутчие люди яйзаны“ (дзайсаны), которых всего оказалось только 12 человек. Способ принесения шерти любопытен. Алтын-хан при этом „воздев на небо руки... около головы своей... руками обводил и по лицу своему потирал и ногти лизал“.⁴

После шерти Алтын-хан настойчиво говорил послам о своем требовании поставить для него острог и начать совместно с русскими войну против киргиз. С таким наказом он и отпустил послов.

Это было последнее посольство к Алтын-хану. Он вскоре после этого ушел в Халху и с этого времени имя его исчезает со страниц русских документов.

Из „Эрдений эрихе“⁵ известно, что Лубсан-тайджи, пользуясь покровительством Галдана-Бошопку, в 1681 г. представлял дань манчжурам и добивался восстановления в звании дзасака, которого был лишен за смуту с Дзасакту-ханом. Добившись восстановления в этом звании, он продолжает свою борьбу с Дзасакту-ханом, которая приводит его окончательно к полному разорению и гибели его маленького царства.

Сведения монгольских и китайских (в русском переводе) источников дают возможность кратко сообщить о дальнейшей судьбе Алтын-хана, об его бессильных попытках удержать власть, об его метаниях от одного покровителя к другому.

В 1682 г. он затеял войну с Дзасакту-ханом, который захватил его и держал под арестом.⁶ В этом же году он бежал к Галдану, который помог ему отбить семью и имущество у Дзасакту-хана⁷. Через некоторое время Алтын-хан оказывается в Тибете у Далай-ламы.⁸ И в конце концов он появляется в Пекине с полной повинной перед манчжурским императором. В 1691 г. он принимает участие в Додон-норском съезде⁹, а через

¹ ЦГАДА, фонд 214, столб. 709, л. 317.

² Там же, ч. II, л. 371—396.

³ Стат. список Тупальского, л. 386.

⁴ Там же, л. 387.

⁵ А. М. Позднеев, ук. соч., стр. 60.

⁶ М. Соурант, ук. соч., стр. 31.

⁷ А. М. Позднеев, ук. соч., стр. 180.

⁸ Мэн-гу-ю-му-дзи. Перев. П. Попова, стр. 112.

⁹ Мэн-гу-ю-му-дзи. Перев. П. Попова, стр. 112.

год зачисляется в свиту манжурского императора¹. В 1696 г. он умер во время похода Кань-си против Галдана, сопровождая императора в этот поход.²

Так окончил свои дни третий из Алтын-ханов. Титул этот прекратил свое существование вместе с ним. Управление его землями передано было манжурами в 1686 г. двоюродному брату его Гендуну-Дайчину, который не смог восстановить былого значения „царства Алтын-ханов“. Главная роль среди князей западной Монголии давно перешла к Дзасакту-ханам.

Кочевое общество Центральной Азии дает не один пример создания подобного эфемерного могущества, каким в истории монголов является царство Алтын-ханов. Алтын-ханы в своем стремлении создать свое царство встретились с подобного же рода стремлением ойратских князей и Дзасакту-ханов. Вступив с ними в войну, они не смогли удержать власти в руках. Феодалные войны были основной причиной падения царства Алтын-ханов. Это царство просуществовало почти целое столетие, и факт его исторического бытия ярче всего освещен в русских архивных документах, разбор которых и дал нам возможность дать более или менее полную картину его существования.

---

¹ М. Courant. ук. соч., стр. 31.

² Мэн-гу-ю-му-цзи. Перев. П. Попова, стр. 112.